
Михаил Мясников
Звездная
Русь

Михаил Мясников

Звездная Русь

«Автор»
2026

Мясников М.

Звездная Русь / М. Мясников — «Автор», 2026

В XI век, в дикий и грязный Киев времен Ярослава Мудрого, падает «Аргонавт-4» — корабль из 2154 года. Выживает только командир, астрофизик Ева. Лишенная технологий будущего, она вынуждена использовать свой интеллект и знания химии, чтобы выжить. Она становится тайным советником князя, «Каменной Княгиней». Вместе они строят империю на новых законах: побеждают врагов с помощью пороха («греческого огня»), внедряют «Русскую Правду» и возводят каменные города.Наследие Ева умирает, но оставляет после себя не просто государство, а систему. Главная героиня смещается к её дочери — Анне Ярославне. Анна — не романтичная принцесса. Это «Константа»: холодный, гениальный математик, рожденный в жестокости XI века. Она не чувствует эмпатии, она видит только переменные, ресурсы и вероятности.

© Мясников М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Михаил Мясников
Звездная Русь

Глава 1

Пахло озоном, остывшим синтетическим кофе и стерильным пластиком.

Ева провела пальцем по сенсорной панели, и голографический интерфейс шаттла «Аргонавт-4» моргнул, подстраиваясь под уровень ее зрачков. Вокруг, в ангаре орбитальной станции «Горизонт», царила привычная суета. За панорамным куполом медленно вращалась Земля — ослепительно синий, изрезанный белыми прожилками циклонов шар. До нее было четыреста километров вакуума и целая пропасть лет.

— Главный инжектор остыл до минус двухсот семидесяти по Цельсию, — раздался в динамиках шлема хрипловатый голос. — Ева, ты уверена, что эта посудина не развалится на кварки? Я собирал этот двигатель на честном слове и китайском адгезиве.

Марк. Главный инженер проекта. Человек, который мог собрать реактор из скрепок, но панически боялся высоты. Сейчас он сидел в Центре управления полетами на третьем ярусе станции, нервно теребя воротник стерильного комбинезона.

— Если развалится, Марк, твой адгезив войдет в учебники истории как самый дорогой мусор во Вселенной, — ровным голосом ответила Ева, активируя протокол герметизации. — Кросс-чек систем завершен. Навигация, телеметрия, квантовый контур — зеленые маркеры.

— Зеленые маркеры меня и пугают, — буркнул Марк. — В прошлый раз, когда всё было зеленым, мы потеряли «Аргонавт-2» в поясе Койпера. До сих пор собираем его по астероидам.

— «Аргонавт-2» погубил не контур, а твой протеже-навигатор, который перепутал синус с косинусом, — вмешался третий голос. Спокойный, глубокий, с легкой иронией. — Ева, это Ли. Биометрия пилота в норме. Пульс шестьдесят. Адреналин на нуле. Ты вообще человек, Коммандер? У тебя температура тела как у остывшего трупа.

Ли Чен, корабельный врач и психолог. Он находился в соседнем модуле, пристегнутый к противоперегрузочному креслу симулятора, и следил за показателями Евы.

— Я просто хорошо спала, Ли, — Ева позволила себе тень улыбки, хотя ее никто не видел. Лицо скрывал прозрачный визор шлема. — Докладывай статус ЦУПу. И передай Марку, что если я не вернусь, он женится на вдове. Я уже присмотрела ему пару на нижних ярусах. Кажется, она работает в гидропонике.

— Понял, Коммандер, — Ли хмыкнул. — Марк, поздравляю. Гидропоника — это надежно, там хотя бы почва под ногами.

Ева опустила руки на штурвал. Материал обшивки едва ощутимо вибрировал. Под ней, в брюхе «Аргонавта», спал квантовый двигатель — сфера из титана и стабилизированного ридберия, способная на доли секунды проколоть метрику пространства.

В этот момент магнитные замки шлюза зашипели, и в кабину кто-то вошел. Система жизнеобеспечения не подала сигнал тревоги — допуск уровня «Альфа-1» открывал все двери.

Ева повернула голову. В проеме, придерживаясь за косяк, стоял Марк. Его лицо, обычно бледное от недосыпа, сейчас было землистым. Он был без шлема, и его редкие волосы стояли дыбом от статического электричества, гуляющего по обшивке.

— Какого черта ты здесь делаешь? — голос Евы в динамиках шлема прозвучал ровно, но Ли на том конце связи тут же предостерегающе кашлянул. — Марк, у тебя тридцать секунд до закрытия створок. Твое место в ЦУПе.

— Мое место здесь, — Марк проигнорировал ее тон. Он тяжело дышал, опираясь о переборку. Его взгляд метнулся от приборной панели к лицу Евы. — Я не пустил Ли. Он пытался меня заблокировать, но я вырубил терминал в коридоре.

— Инженер, вы нарушаете протокол безопасности, — Ли снова подал голос из динамиков. — Вы создаете критическую массу в кабине. При разгерметизации вас просто впечатает в консоль пилота.

— Заткнись, Ли, — Марк не отрывал глаз от Евы. Он сделал шаг вперед, и магнитные подошвы его ботинок гулко щелкнули по полу. — Ева. Посмотри на меня.

Ева вздохнула. Сняла шлем и положила его на соседнее кресло. Волосы рассыпались по плечам.

— У меня нет времени на прощания, Марк. Окно через две минуты. Если ты хотел поплакать над моим мертвым телом, выбери другой день.

— Я не плакать пришел, — он подошел вплотную, нависая над ней. От него пахло озоном, дешевым табаком из рекреации и машинным маслом. — Я пришел сказать, что ты совершаешь ошибку.

— Это тестовый полет, — терпеливо повторила Ева, как ребенку. — Сто тысяч километров. Туда и обратно. Сорок минут. Мы делали это на симуляторах тысячу раз.

— Симуляторы не ловят вспышки класса X-50! — Марк ударил кулаком по подлокотнику ее кресла. Пластик треснул. — Ты видела сводки солнечной обсерватории? Корона нестабильна! Мы запускаем квантовый контур в эпицентр электромагнитной бури. Это не полет, Ева. Это самоубийство с красивым названием «Протокол Игла».

Ева посмотрела на его дрожащие руки. Марк всегда был гением, но его нервы были натянуты как струна с самого дня аварии «Аргонавта-2».

— Марк, — она впервые за утро позволила голосу смягчиться. — Если мы не запустим его сейчас, проект закроют. Совет директоров ждет результатов. Если я посижу здесь еще полгода, проверяя твои расчеты, мы потеряем финансирование. И ты будешь собирать свои квантовые двигатели для марсианских буровых установок. Это физика, Марк. Мы либо прыгаем, либо нет.

— К черту Совет директоров! — он почти кричал, но в его крике не было агрессии, только животный, первобытный страх. — Я пересчитал вектор. При такой солнечной активности вероятность схлопывания воронки в момент входа — сорок три процента. Ты не выйдешь из метрики. Ты просто исчезнешь. Понимаешь? Не сгоришь, не разобьешься. Тебя вычтут из уравнения Вселенной.

Ева молчала. Она смотрела в его расширенные зрачки.

— Марк, — тихо сказала она. — Я потеряла Игоря, потому что мы ждали. Мы ждали идеальных условий, идеального вектора, идеального финансирования, пока его «Бореалис» не вмерз в лед Европы. Я больше не жду.

— Игорь был идиотом, который полез в гейзер без страховки! — выкрикнул Марк, и его голос сорвался. По его небритой щеке скатилась капля пота. — Ты не должна платить за его ошибки!

— Я ничего не плачу, — Ева протянула руку и накрыла его ледяную, дрожащую ладонь своей. Ее пальцы были теплыми. — Я просто делаю свою работу.

Она мягко, но настойчиво убрала его руку со своей приборной панели.

— Иди в ЦУП, Марк. Если со мной что-то случится, именно тебе придется объяснять вдове из гидропоники, почему стабилизатор ридберия не выдержал. А он не выдержит, если ты будешь стоять здесь и тратить мой кислород.

Марк смотрел на нее еще секунду. В его глазах плескалось отчаяние. Он видел перед собой не Коммандера ВКС, не лучшего пилота Солнечной системы. Он видел упрямую женщину, которая снова вела себя в пекло, потому что так велел протокол.

— Твой пульс, — хрипло сказал он, кивая на ее нагрудный датчик. — Он только что подскочил до девяноста.

— Это от злости, Марк. Ты мешаешь мне сосредоточиться.

— Ева... — Вон из кабины.

Он сглотнул. Кивнул, развернулся и, тяжело ступая, пошел к шлюзу. Перед тем как створки закрылись, отрезая его, он обернулся: — Я буду считать секунды. Сорок минут. Если на сорок первой ты не выйдешь на связь, я взорву этот чертов реактор станции к чертовой матери. Чтобы встретить тебя там, где ты застрянешь.

Створки сомкнулись.

Ева долго смотрела на индикатор шлюза, пока он не сменил цвет на красный. Затем она глубоко вдохнула, набирая в легкие стерильный воздух, и снова надела шлем.

— Ли, — ее голос снова стал металлическим, лишенным всяких эмоций. — Передай диспетчеру. «Аргонавт» к старту готов.

— «Горизонт» на связи, — ответил сухой, лишенный эмоций голос диспетчера. — Окно стабильное. Солнечная активность в желтой зоне, но в пределах допуска. Протокол «Игла», Ева. Десять секунд до отсчета.

Ева выдохнула. Протокол «Игла» означал, что шаттл не взлетает на химическом топливе. Он просто исчезает из точки А.

— Десять... девять... — начал отсчет Ли. — Марк, если что, я скажу твоей вдове, что ты погиб героем. — Заткнитесь оба, — беззлобно огрызнулся инженер, чей голос теперь дрожал уже в динамиках ЦУПа. — Пять... Четыре... Заряд накопителя... сто процентов. — Три... — голос Ли стал серьезным. — Ева, помни, первая производная от функции времени должна быть константой. Если вектор искривится... — Я помню формулы, Ли. Один.

Пространство внутри кабины на мгновение потеряло цвет. Светодиоды погасли, сменившись мертвенно-синим аварийным освещением. Ева почувствовала, как желудок подкатывает к горлу, хотя гравитация станции никуда не делась — это сходило с ума внутреннее ухо. Реальность за панорамным стеклом схлопнулась. Не было ни звезд, ни Земли, ни белого пластика. Только бесконечная, воющая, переливающаяся всеми оттенками фиолетового и багрового пустота. Кротова нора. Тишина длилась ровно 0,8 секунды. А потом взвыла сирена. Красный свет залил кабину, превращая лица Евы в маску мертвеца. — Ева! — крик Марка пробился сквозь треск статики. — Отклонение вектора! Нагрузка на контур — сто двадцать процентов! Ридберий идет в разнос! — Отказ систем навигации! — Ли уже не шутил, его голос сорвался на хрип. — Телеметрия сходит с ума! Ева, ты падаешь! Выравнивай вручную!Ева вжала штурвал. «Аргонавт» не летел. Его несло. Словно сухой лист в урагане, который этот ураган сам и создал. — Что произошло? — процедила она сквозь зубы, пытаясь поймать в перекрестие визора хоть одну опорную звезду. Но звезд не было. Была только рябь. — Вспышка на Солнце! — голос Марка потонул в гуле. — Класс X-50! Прямой удар по ионосфере! Нас прошило электромагнитным копьем! Квантовый контур ловит статику! Он не может закрыться!Пространство вокруг шаттла начало рваться. Ева видела это не глазами — она чувствовала это зубами, костями. Метрика пространства сминалась, как лист фольги. Шаттл прошивал не только расстояние, но и время. — Ева, катапультируйся! — Ли орал так, что, казалось, сорвет голосовые связки. — Сфера не выдержит! Ты сгоришь в хроно-потоке! — Я не могу! — Ева ударила ладонью по консоли. — Мы над Восточной Европой, одиннадцатый век! Если я открою кабину на такой скорости, меня распылит на атомы над лесами! Я не дотяну до стратосферы!— Тогда прыгай в капсуле! Экстренный протокол! Сейчас же!Ева бросила взгляд на таймер. С момента входа в нору прошло четыре секунды. По всем законам физики «Аргонавт» уже должен был превратиться в сверхновую. Но экспериментальный ридберий держался, вытягивая их сквозь изнанку мира, сжигая сам себя.— Марк, — Ева переключилась на личный канал инженера. — Если я выживу... скажи вдове из гидропоники, что ты любил только свои тран-

зисторы. — Очень смешно, Коммандер, — прохрипел Марк, но в его голосе слышались слезы. — Отсекай контур! Ева ударила по красной панели. Раздался оглушительный хлопок, похожий на взрыв. Шаттл тряхнуло так, что клацнули зубы. Квантовый двигатель отстрелился, сгорая в фиолетовом пламени где-то позади. В ту же секунду Ева рванула рычаг экстренной эвакуации. Пол под ногами провалился. Сработали магнитные захваты, намертво впиваясь в плечи и бедра скафандра. Капсула — крошечный бронированный гроб весом в триста килограммов — выстрелила из брюха «Аргонавта» вниз. Последнее, что она увидела в панорамном окне шаттла, прежде чем створки капсулы захлопнулись, — это как «Аргонавт-4», потеряв управление, вспыхивает ослепительно-белым и исчезает, прошивая само время. А потом наступила перегрузка. Гравитация одиннадцатого века навалилась бетонной плитой. Двенадцать «же». Пятнадцать. Искусственная кровь скафандра бешено пульсировала в висках, не давая сосудам лопнуть. — Ли... — прохрипела Ева в микрофон, вмонтированный в горло. — Ли, ответь. Марк...Динамики ответили ей только шипением. Магнитная буря класса X-50 сожгла связь. Она осталась одна. Капсулу трясло. Обшивка визжала, входя в плотные слои атмосферы. Температура снаружи росла. Внутренний термометр показывал плюс восемьсот. Система охлаждения работала на пределе, пуская по коже Евы ледяные иглы нанокондиционера. Она закрыла глаза, отсчитывая секунды до удара. Руки, зафиксированные захватами, онемели. В голове, вопреки панике и страху смерти, работала только одна мысль, холодная и отстраненная, как формула: *Вектор входа — 72 градуса к горизонту. Скорость — 11 километров в секунду. При ударе о грунт перегрузка составит около 400 «же». Выживаемость биологических тканей при 400 «же» — ноль целых ноль десятых.*— Давай, жестянка, — прошептала она капсуле. — Не подведи.Внезапно тряска прекратилась. Визг сменился низким гулом. Ева открыла глаза. За крошечным иллюминатором больше не было огня. Был только густой, непроглядный, первобытный мрак. Сработали тормозные парашюты. Капсула дернулась, раскачиваясь на стропах. Ева услышала, как снаружи ревет ветер. Но это был не разреженный ветер стратосферы. Это был плотный, пахнущий озоном, мокрой землей, прелыми листьями и чем-то еще — густым, животным, запахом навоза и дыма. Она выжила. Система жизнеобеспечения пискнула, переходя в режим автономии. Заряд батареи — 12%. Нанокондиционер отключился, и в скафандре мгновенно стало душно. Ева нащупала панель ручного открытия. Пальцы в толстых перчатках казались чужими. — Ну здравствуй, Киевская Русь, — выдохнула она, срывая аварийный фиксатор. Тяжелый люк с шипением отошел в сторону. В кабину ворвался холод ночи, стрекот сверчков и далекий, протяжный волчий вой. Ева отстегнула захваты и попыталась встать. Ноги подкосились. Суставы, не привыкшие к настоящей гравитации после лет в невесомости, горели огнем. Она выбралась на мокрую траву. Над ней, в разрывах низких черных туч, висело чужое, не знающее городских огней небо. Звезды казались огромными, острыми и ледяными. Где-то далеко, на горизонте, медленно занималось тусклое, багровое зарево. То ли рассвет, то ли пожар. Ева посмотрела на свои руки. В темноте светились бледно-голубым только индикаторы медблока на перчатках. Связи не было. Прошлого не было. Будущего, которое она знала, тоже не было. Осталась только константа распада — ее собственное дыхание в чужом тысячелетии.

Тишина длилась 0,8 секунды. Время внутри квантового пузыря текло иначе — вязко, как старый мед. А потом взвыла сирена. Красный аварийный свет залил кабину, превращая лицо Евы в маску мертвеца. — Ева! — крик Марка пробился сквозь треск статики, искаженный до неузнаваемости. — Отклонение вектора! Нагрузка на контур — сто двадцать процентов! Ридберий идет в разнос! — Отказ систем навигации! — Ли уже не шутил, его голос сорвался на хрип. — Телеметрия сходит с ума! Ева, ты падаешь! Выравнивай вручную! Твои координаты... Господи, твои координаты... Ева, ты прошиваешь время!Ева вжала штурвал в живот. «Аргонавт» не летел. Его несло. Словно сухой лист в урагане, который этот ураган сам и создал. Гравиметры показывали невозможное: минус 15G, затем плюс 40G в течение доли секунды. Ее внутренности завязывались узлом, несмотря на компенсаторы скафандра.— Что произо-

шло? — процедила она сквозь зубы, пытаясь поймать в перекрестие визора хоть одну опорную звезду. Но звезд не было. Была только рябь, похожая на помехи на старом телевизоре. — Марк, статус двигателя!— Вспышка на Солнце! — голос Марка потонул в низкочастотном гуле, от которого заныли зубы. — Класс X-50! Прямой удар по ионосфере! Нас прошило электромагнитным копьем! Квантовый контур ловит статику! Он не может закрыться! Ты тащишь за собой хвост метрики!Пространство вокруг шаттла начало рваться. Ева видела это не глазами — она чувствовала это зубами, костями, самой диафрагмой. Метрика пространства сминалась, как лист фольги. Шаттл прошивал не только расстояние, но и время. — Ева, катапультируйся! — Ли орал так, что, казалось, сорвет голосовые связки. — Сфера не выдержит! Ты сгоришь в хроно-потоке! Твоя капсула не рассчитана на темпоральный сдвиг!— Я не могу! — Ева ударила ладонью по консоли, сбивая наросшую изморозь. — Мы над Восточной Европой, одиннадцатый век! Если я открою кабину на такой скорости, меня распылит на атомы над лесами! Я не дотяну до стратосферы! — Тогда прыгай в капсуле! Экстренный протокол! Сейчас же! — Марк перебил Ли. В его голосе больше не было страха за проект, только животный ужас за нее. — Ева, если ты не отстрелишься, через три секунды контур схлопнется! Ты просто перестанешь существовать!Ева бросила взгляд на таймер. С момента входа в нору прошло четыре секунды. По всем законам физики «Аргонавт» уже должен был превратиться в сверхновую. Но экспериментальный ридберий держался, вытягивая их сквозь изнанку мира, сжигая сам себя.— Марк, — Ева переключилась на личный канал инженера, отключив Ли. Голос ее был пугающе спокоен. — Если я выживу... скажи вдове из гидропоники, что ты любил только свои транзисторы. И что она слишком хороша для тебя. — Очень смешно, Коммандер, — прохрипел Марк, но в треске помех Ева отчетливо услышала, как он всхлипнул. — Отсекай контур! Живо! Ева ударила по красной панели аварийного сброса. Раздался оглушительный хлопок, похожий на взрыв внутри черепной коробки. Шаттл тряхнуло так, что клацнули зубы, а перед глазами поплыли черные пятна. Квантовый двигатель отстрелился, сгорая в фиолетовом, нереальном пламени где-то позади, в искривленном времени.В ту же секунду Ева рванула рычаг экстренной эвакуации. Пол под ногами провалился. Сработали магнитные захваты, намертво впиваясь в плечи и бедра скафандра. Капсула — крошечный бронированный гроб весом в триста килограммов — выстрелила из брюха «Аргонавта» вниз. Последнее, что она увидела в панорамном окне шаттла, прежде чем титановые створки капсулы захлопнулись, отрезая ее от внешнего мира, — это как «Аргонавт-4», потеряв управление, вспыхивает ослепительно-белым, поглощая сам себя в воронке распадающегося пространства. Он не взорвался. Он просто *исчез*, оставив после себя лишь запах озона и звенящую пустоту.А потом наступила перегрузка. Гравитация одиннадцатого века навалилась бетонной плитой. Двенадцать «же». Пятнадцать. Искусственная кровь скафандра бешено пульсировала в висках, не давая сосудам лопнуть. — Ли... — прохрипела Ева в микрофон, вмонтированный в горло. — Ли, ответь. Марк...Динамики ответили ей только шипением. Магнитная буря класса X-50 сожгла внешнюю антенну. Она осталась одна. Капсулу трясло. Обшивка визжала, входя в плотные слои атмосферы. Температура снаружи росла. Внутренний термометр показывал плюс восемьсот. Система охлаждения работала на пределе, пуская по коже Евы ледяные иглы нанокондиционера. Она закрыла глаза, отсчитывая секунды до удара. Руки, зафиксированные захватами, онемели. В голове, вопреки панике и страху смерти, работала только одна мысль, холодная и отстраненная, как формула: *Вектор входа — 72 градуса к горизонту. Скорость — 11 километров в секунду. При ударе о грунт перегрузка составит около 400 «же». Выживаемость биологических тканей при 400 «же» — ноль целых ноль десятых.*— Давай, жестянка, — прошептала она капсуле. — Не подведи.Внезапно тряска прекратилась. Визг сменился низким, ритмичным гулом. Ева открыла глаза. За крошечным иллюминатором больше не было огня. Был только густой, непроглядный, первобытный мрак. Сработали тормозные парашюты. Капсула дернулась, раскачиваясь на стропах. Ева услышала, как снаружи ревет ветер. Но это был не разре-

женный ветер стратосферы. Это был плотный, пахнущий озоном, мокрой землей, прелыми листьями и чем-то еще — густым, животным, запахом навоза и сырого дерева. Она выжила. Система жизнеобеспечения пискнула, переходя в режим автономии. Заряд батареи — 12%. Нанокондиционер отключился, и в скафандре мгновенно стало душно. Ева нащупала панель ручного открытия. Пальцы в толстых перчатках казались чужими. — Ну здравствуй, Киевская Русь, — выдохнула она, срывая аварийный фиксатор. Тяжелый люк с шипением отошел в сторону. В кабину ворвался холод ночи, стрекот сверчков и далекий, протяжный волчий вой. Ева отстегнула захваты и попыталась встать. Ноги подкосились. Суставы, не привыкшие к настоящей гравитации после лет в невесомости, горели огнем. Она выбралась на мокрую траву, хватаясь за край люка. Воздух был сладким и тяжелым. — Марк, — она снова ударила по панели связи на предплечье. — Марк, ты слышишь меня? Я на поверхности. Координаты... черт, мой маяк сбит. Я где-то в лесу. В ответ — только статика. — Ли? Диспетчер? Кто-нибудь, ответьте станции «Горизонт»!Тишина. Ева посмотрела на свои руки. В темноте светились бледно-голубым только индикаторы медблока на перчатках. Она активировала тепловизор визора. Мир вокруг превратился в черно-зеленую мозаику. В тридцати метрах от нее, за поваленной елью, светились два тусклых желтых пятна. Ева замерла, положив руку на кобуру с плазменным резаком. Пятна моргнули. Одно из них издало низкий, вибрирующий звук. — Волки, — констатировала Ева. — Замечательно. Она медленно попятилась к капсуле. Стволы деревьев вокруг были огромными, не знавшими пилы. Лес дышал. Внезапно из динамиков шлема, сквозь пелену помех, пробился голос. Он был слабым, задыхающимся, но это был человеческий голос.— ...Ева... слышу... на три... минуты...— Марк! — Ева упала на колени прямо в грязь, прижимая руку к шлему. — Марк, ты меня слышишь? Я жива! Я на Земле! — ...дура... — голос Марка сорвался в кашель. — ...я же говорил... вспышка... ЦУП... мы потеряли тебя с радаров... думали, ты аннигилировала... Ева, у тебя тридцать секунд... батареи...— Я в норме! Марк, капсула цела, я... — ...слушай меня... — он говорил быстро, глотая слова. — Солнечная буря... она не утихает... Ионосфера... она блокирует всё. Я пробился только потому, что «Горизонт» сейчас на пике орбиты... Ева, хронограф капсулы. Посмотри на хронограф!Ева перевела взгляд на внутреннюю панель. Цифры даты, синхронизированные с земным временем перед стартом, заставили ее похолодеть. *1036 год. 14 апреля. 02:17 ночи.*— Я знаю, — тихо сказала она. — Я в прошлом, Марк.— ...это невозможно... вектор был только на удаление в пространстве... — в голосе Марка больше не было паники, только шок и попытка осмыслить математику невозможного. — Ева, если ты в одиннадцатом веке... твой маяк. Он фонит в радиодиапазоне. Если местные его засекут, они решат, что это кара божья или золото. Тебя убьют. — Я знаю, — повторила она, глядя на два желтых глаза, которые теперь светились ближе. Волк сделал шаг из-за ели. За ним показался второй. — Ева, — голос Марка стал жестким, командирским. Тем самым тоном, которым он отдавал приказы техникам. — Слушай меня. У тебя 12% энергии. Не трать на обогрев. Выруби всё, кроме кислорода. Иди на юг. На юге, по моим расчетам траектории падения, должна быть река. Днепр. Иди к воде. Люди селятся у воды. — Марк...— Никаких «но», — отрезал он. — Ты Коммандер ВКС. Действуй. И... Ева. — Что? — Если найдешь там мужика... выбирай того, у кого зубы целые. Гидропоника подождет. Конец связи.Связь оборвалась. Шипение статики исчезло, оставив Еву наедине с воем волков и шелестом листвы. Она сидела в грязи, смотрела на хронограф и впервые за десять лет чувствовала, как по щеке, смешиваясь с каплями росы, катится горячая, совершенно нестерильная слеза. — Зубы целые, — глухо повторила она, поднимаясь на ноги и проверяя заряд резака. — Поняла, Марк. Она сделала шаг в темноту, оставляя за спиной остывающий титановый гроб из будущего. Позади, в чаще, раздался короткий, разочарованный рык — волки решили, что странный светящийся зверь, упавший с неба, им не по зубам, и отступили. Ева шла на юг. В Киевскую Русь. В 1036 год. И где-то там, за сотни лет вперед, на станции «Горизонт», инженер Марк впервые в жизни

наливал себе виски прямо из лабораторной колбы, глядя на пустую точку радара, где только что была его подруга.

Глава 2

Тяжелые, разбухшие от влаги лапти вязли в жирной черной грязи. Ева остановилась, тяжело дыша. Скафандр, рассчитанный на микрометеориты и вакуум, оказался на удивление паршивым средством для передвижения по пересеченной местности одиннадцатого века. Система гидравлики гудела, с трудом компенсируя вес ранца жизнеобеспечения на каждом шаге. Индикатор кислорода сменил цвет с зеленого на тревожно-желтый. 8%. Марк был прав — систему обогрева пришлось вырубить еще час назад. Рассвет только занимался, окрашивая верхушки вековых сосен в кроваво-рыжий цвет. Воздух был ледяным, и Ева чувствовала, как холод начинает пробиваться сквозь слои нанокомпозита. Зубы выбивали дробь.— Иди к воде, — пробормотала она, имитируя хриплый, прокуренный бас Марка. — Выбирай с целыми зубами. Легко тебе там, на орбите, советы раздавать, Марк. У тебя там кофе без кофеина и климат-контроль. А у меня тут чавкает.Она огляделась. Лес вокруг был одинаковым — глухим, враждебным, пахнущим хвоей и прелостью. Ни малейшего намека на реку. Лингвистический процессор шлема работал в фоновом режиме, впитывая звуки, но пока выдавал лишь «фоновый шум: биосфера». Внезапно процессор пискнул, выделяя аномалию. — *Обнаружена речь. Дистанция: триста метров. Северо-северо-запад.*Ева замерла, вжимаясь в ствол дуба. — Активировать протокол «Тень», — шепнула она. Визор поляризовался, сливая ее силуэт с корой. Голоса приближались. Они не были похожи на крики погони. Скорее, на ленивую утреннюю перебранку. Ева медленно опустила руку на кобуру. Плазменный резак в режиме оглушения мог вырубить троих, но на четвертом аккумулятор сядет окончательно. Из-за поворота звериной тропы вышли двое. Первый был огромным, широким в плечах, с бородой, заплетенной в две косы. На плече он нес внушительную связку хвороста. Второй — тощий, долговязый подросток, едва поспевавший за ним с луком в руках.— Да говорю тебе, брешет отец, — басил бородатый, перешагивая через поваленное дерево. — Не бывает огненных колесниц. То Перун колесницу свою разбил, вот и гремит. А ты, пащенок, лук ровно держи, не то опять тетиву порвешь. Лук денег стоит.— Дядька Ратибор, а ежели Перун, чего ж он в болото упал? — пискляво отозвался парень. — Там же, где бортники вчера медведя видели. Говорят, зверь тот с небес сошел, весь в чешуе серебряной. Ева затаила дыхание. «Чешуя серебряная». Это она. Ее скафандр. Сердце пропустило удар, а затем забилось с утроенной частотой. Они ищут ее. И, судя по тону, не для того, чтобы предложить хлеба-соли.— То не зверь, дурья башка, а бес, — сплюнул Ратибор. — А коли сошел, так и сгинул. Нечисть света боится. Они прошли в десяти шагах от дуба, за которым пряталась Ева. От мужика пахло потом, дегтем и жареным мясом. Ева задержала дыхание, боясь, что фильтры скафандра не справятся с такой концентрацией древних бактерий и она просто свалится в лихорадке.Как только треск веток затих, она сорвалась с места. — Юго-восток, — скомандовала она сама себе. — Обходим. Она бежала, стараясь ступать след в след, чтобы не хрустеть ветками. Но лес сыграл с ней злую шутку. Корень, скрытый под прошлогодней листвой, подло подвернулся под тяжелую магнитную подошву. Ева вскрикнула, падая лицом в мох. Удар выбил воздух из легких. В левом бедре что-то хрустнуло. Боль была острой, ослепляющей. — Статус! — прохрипела она, переворачиваясь на спину. — *Перелом шейки левого бедра. Микротрещины в надкостнице. Кровотечение внутреннее, умеренное. Рекомендован полный покой. Уровень кислорода: 5%.*— Какой, к черту, покой, — Ева скрипнула зубами. Индикатор на забрале мигал красным. — Марк меня убьет. Ли меня вскроет и продаст органы студентам. Она попыталась встать. Нога подломилась. Тяжеленный ранец жизнеобеспечения за спиной стал неподъемной гирей. — Скафандр, — скомандовала она, задыхаясь. — Режим «Кокон». Экстренный сброс массы. Послышалось шипение гидравлики. Ранцевый блок, содержащий пустой кислородный баллон, фильтры и батареи, отстрелился от основного корпуса, оставшись лежать в грязи. Ева почув-

ствовала себя почти невесомой, но скафандр теперь превратился в бесполезный пластиковый мешок. Она поползла. Локти скользили по мокрому мху. До реки, по расчетам Марка, оставалось еще километра два. С ее скоростью она доберется туда к вечеру. Если не замерзнет насмерть. — Ева? Ева, ответь! — внезапно шлем ожил. Голос Ли. Чистый, без помех. Значит, она вышла из зоны действия солнечной вспышки, и ионосфера больше не глушит сигнал. — Ли! — выдохнула она в микрофон. — Я упала. Нога. Я потеряла ранец. Кислорода на пять минут. — Ева, я потерял тебя сорок минут назад! — Ли кричал, не скрывая паники. — Марк рвет на себе волосы, он уже вызвал службу безопасности станции, нас отдадут под трибунал! Где ты? Твой маяк не виден!— Я в лесу, — она перевела дух, прижимая руку к пульсирующей болью ноге. — Где-то под Черниговом. Одиннадцатый век, Ли. Всё серьезно. — Я знаю, какой век, я смотрю на хронограф! — огрызнулся он, но тут же смягчился. — Ева, дыши. Слушай меня. Кислородный баллон в ранце. Ты сказала, он отстрелился? — Да. Лежит в грязи в тридцати метрах позади. — Ты можешь доползти? Если ты отключишь систему очистки в шлеме и подключишься напрямую к баллону, у тебя будет еще минут двадцать. — Я не доползу, Ли. Нога сломана. И я слышу их. Они идут за мной. Те двое с хворостом. В шлеме повисла тяжелая пауза. Ева слышала только дыхание Ли и стук собственного сердца. — Ева, — голос врача стал тихим, почти интимным. — Слушай мой приказ как пилота. Ты не должна попасть к ним в руки. Твой скафандр. Твои технологии. Если они разберут тебя на запчасти... мы потеряем не только тебя. Мы потеряем историю. Парадокс бабочки. Ты понимаешь?— Я не собираюсь вскрывать себе вены, Ли, — устало ответила она. — Я просто сломала ногу. — Если они найдут тебя... — Ли не закончил. — В ранце, помимо баллона, есть аптечка. Старая. Из базовой комплектации. Там морфин. — Я знаю, где аптечка, Ли. — Используй его. Выруби сознание. Если они найдут тебя без сознания, они могут принять тебя за мертвую. Или за божество. Но если ты будешь в сознании и закричишь от боли, когда они начнут стаскивать с тебя «серебряную чешую»... они решат, что внутри бес. И сожгут тебя. Ева закрыла глаза. Перспектива быть сожженной заживо местными крестьянами, которые примут ее за демона, показалась ей более реальной, чем смерть от удушья. — Принято, — прошептала она. — Ли... — Что? — Если не выберусь... скажи Марку, что он был прав насчет вспышки. И передай... передай, что я не жалею. Здесь небо... оно настоящее. — Не смей, — голос Ли дрогнул. — Я не буду передавать это дерьмо. Ты выберешься. Я рассчитаю тебе траекторию. Ползи на звук. Слышишь? Ева прислушалась. Сквозь шум в ушах от боли она уловила его. Тихий, мерный, влажный гул. Вода. — Слышу, — она стянула с левой руки толстую перчатку скафандра. Пальцы были ледяными. — Я ползу, Ли. Она поползла, обдирая ладони о корни. Каждый толчок отдавался в бедре раскаленным гвоздем. — Я на связи, — не унимался Ли. — Я буду считать. Раз, два... Ева, не молчи! — Заткнись, Ли. Ты сбиваешь мне дыхание. Она преодолела те самые тридцать метров до ранца за время, которое показалось ей вечностью. Пальцы нащупали клапан аптечки. Шприц-тюбик с морфином. Холодное стекло коснулось шеи. Щелчок. Укол. Горячая, густая волна ударила в голову, смывая боль, страх и ледяной холод. Лес вокруг вдруг стал невероятно красивым, а солнечные лучи, пробивающиеся сквозь ветви — золотыми нитями. — Ли... — прошептала она, чувствуя, как немеет язык. — Кажется... я поняла, почему Марк пьет... — Ева! Ева, не отключайся! — кричал Ли, но его голос теперь доносился откуда-то издалека, сквозь толщу воды. — Река... ты должна... Мир качнулся. Золотые нити вспыхнули в последний раз и погасли. Тело обмякло, ткнувшись лицом во влажный, пахнущий прелыми листьями мох. В тридцати метрах, на берегу еще не видимой ей реки, треснула ветка. На поляну вышел Ратибор. Он посмотрел на лежащую в траве женщину в странной серебристой одежде, затем на пустой шприц, валявшийся рядом с ее рукой, и медленно, очень медленно перекрестился.— И впрямь бес, — пробормотал он, пятясь. — Спаси нас, Перун. Спаси и сохрани. Он развернулся и со всех ног бросился бежать обратно в деревню, напрочь забыв про свой хворост.

Пахло ладаном, кислым молоком, сушеными травами и мокрой псиной.

Ева открыла глаза. Потолок был низким, закопченным, сложенным из грубо отесанных бревен. Сквозь щели в крыше пробивался серый свет. Она лежала на чем-то жестком, застеленном колючим рядном, укрытая тяжелым меховым одеялом, от которого несло псиной так, что слезились глаза.

Нога. Боли не было. Вместо нее по бедру разливалось приятное, тяжелое тепло, а само бедро было плотно спеленато льняными бинтами, пропитанными чем-то остро пахнущим.

— Пульс ровный. Обезболивающее третьего поколения в смеси с местным самогоном дает поразительный эффект, — произнес знакомый, чуть насмешливый голос. — А вот скафандр, Ева, это просто преступление против инженерной мысли. Восемьдесят килограмм чистого идиотизма. Как ты вообще собиралась в нем маневрировать?

Ева резко повернула голову.

Ли Чен сидел на низенькой деревянной лавке прямо у ее постели. На нем не было стерильного комбинезона врача. Вместо него — грубая домотканая рубаха, подпоясанная веревкой, и такие же, как у нее под одеялом, штаны из некрашеного льна. Его черные волосы были растрепаны, а на чисто выбритом подбородке проступила щетина.

— Ли? — голос Евы был хриплым, словно она месяц кричала в вакууме. — Какого черта? Где мы? Где Марк?

— Мы в Киеве, — Ли усмехнулся, протягивая ей деревянную кружку. — А точнее, в усадьбе княжича Ярослава. Пей. Это отвар. Не бойся, я проверил его на крысах. Ну, то есть, на местных курах. Они пока живы.

Ева дрожащими руками приняла кружку. Пальцы коснулись его ладони — теплой, настоящей, без перчаток. — Ты сошел с ума. Как ты... Как ты прошел через барьер? Марк сказал, ионосфера блокирует всё.

— Марк сказал правильно, — Ли кивнул, и его лицо на мгновение стало серьезным. — Он блокирует. Но не хроноперемещенцев. Я прошел по твоему шлейфу. Когда ты пробила ткань времени, ты оставила... ну, назовем это «кротовой дырой с незаклеенными краями». Марк вычислил вектор. Он бросил жребий, кто полетит меня вытаскивать. Мне выпало тянуть короткую соломинку.

— Он полетел за тобой? — Ева приподнялась на локтях, но Ли мягко надавил ей на плечо, заставляя лечь обратно.

— Нет. Он остался на «Горизонте». Сказал, что если он исчезнет, станция сойдет с ума, а вдове из гидропоники некому будет чинить кофеварку. Он спустил мне капсулу с медикаментами и твоим диагностическим сканером. Сказал, чтобы я следил за твоим токсикозом.

— У меня нет токсикоза, — Ева сделала глоток. Отвар был горьким, но горячим. — У меня перелом.

— Теперь уже нет, — Ли довольно откинулся на спинку лавки. — Я тебе ногу собрал. Там был сложный перелом со смещением, местные знахари просто оттяпали бы тебе конечность. Пришлось вскрыть твой аварийный набор. Извини за ранец, он сгорел при попытке запитать мой портативный рентген от их лучины. Коротнуло так, что чуть терем не спалил.

Ева обвела взглядом комнату. Это была не крестьянская изба. Стены были завешены дорогими византийскими тканями, в углу стояла массивная дубовая кровать, а на столе лежал обнаженный меч в потертых кожаных ножнах.

— Где хозяин? — тихо спросила она.

— Княжич Ярослав? — Ли кивнул на дверь. — Ушел на заутреню. Он, знаешь ли, очень набожный. И очень умный. Когда Ратибор притащил тебя в деревню, бормоча про «небесную деву», Ярослав лично приехал посмотреть.

— И что он увидел? Пришелец в грязном памперсе.

— Он увидел женщину в одежде, которую не берет нож, которая светится в темноте и у которой на руке браслет, показывающий картинки, — Ли постучал пальцем по ее запястью.

Внутренний интерфейс скафандра был встроен прямо в кожу. — А еще он увидел, как ты, находясь без сознания, вытащила из своего же бедра обломок кости, который пропорол сосуд, и прижгла рану лазером.

Ева поморщилась, вспоминая обжигающую вспышку перед тем, как морфин Ли окончательно погасил сознание.

— Он решил, что я ведьма?

— Он решил, что ты — подарок богов, — Ли понизил голос. — Ева, послушай меня внимательно. Мы с тобой — физики. Мы знаем, что это просто технологии. Но для них мы — магия. Ярослав запер тебя здесь, в своих покоях. Он приставил ко мне двух дружинников не для того, чтобы охранять, а чтобы я не сбежал. Он ждет, когда ты придешь в себя. Он хочет знать будущее.

Ева села, откинув меховое одеяло. Под ней оказались мужские порты — широкие, удобные. — Он хочет знать, кто победит в битве при Калке? Когда придут монголы? Ли, я не справочное бюро. И я не должна здесь находиться. Мое место в 2154 году.

Ли вздохнул, поднялся и подошел к двери, выглянув в сени. Убедившись, что там никого нет, он плотно прикрыл тяжелую створку и повернулся к Еве. Его лицо, обычно улыбающееся, стало жестким.

— Твоего места больше нет, Ева.

— Что? — она замерла.

— Марк выходил на связь час назад, — Ли потер переносицу. — Он использовал узконаправленный лазерный луч через пробой. «Горизонт» дрейфует. Солнечная вспышка сожгла половину внешних панелей. Но это полбеды. Ева... хронопробой закрылся.

Слова ударили под дых сильнее, чем падение капсулы. — Закрылся? Как закрылся? Цикличность контура — сорок восемь часов!

— Математика не врет, — Ли покачал головой. — А вот физика в условиях темпорального сдвига — очень. Вспышка класса X-50 изменила плотность вакуума. Пробой схлопнулся. Навсегда. Того «вчера», из которого мы прилетели, больше не существует. По крайней мере, в нашей ветке реальности.

Ева смотрела на него, не в силах вдохнуть. — Марк... он знает?

— Он знает, — голос Ли дрогнул. — Он сказал, что будет держать станцию на орбите, пока не разрядятся последние батареи. Сказал, что будет ждать нас. Но он плакал, Ева. Я слышал, как он плачет, пока передавал данные.

Тишина повисла в комнате, густая и тяжелая, как меховое одеяло. Ева смотрела на свои руки. Руки пилота, которые больше никогда не коснутся штурвала «Аргонавта».

— Мы застряли, — прошептала она.

— Мы застряли, — эхом отозвался Ли. — Но мы живы. И у нас есть антибиотики. Это ставит нас выше местного пантеона богов.

В коридоре послышались тяжелые шаги и звяканье кольчуги.

— Он идет, — Ли быстро метнулся к лавке и сел, приняв скучающий вид. — Соберись. Не смотри на него как на дикаря. Он образован, он знает греческий, он читает книги. Если ты хочешь выжить в этом веке, тебе придется очаровать самого умного и самого опасного человека на этой земле.

Дверь со скрипом отворилась.

На пороге стоял мужчина лет тридцати. Высокий, широкоплечий, с густой русой бородой и пронзительными серыми глазами. В них не было ни страха, ни благоговения, которые Ева ожидала увидеть. Только холодный, оценивающий интерес хищника.

За его спиной маячила массивная фигура Ратибора.

— Говорят, ты пришла в себя, небесная гостья, — голос Ярослава был глубоким, лишенным всякого трепета. Он говорил на чистом древнерусском, но лингвистический процессор в

голове Евы переводил его мгновенно. — Мой лекарь сказал, что ты исцелила сама себя огнем. Это правда?

Ева посмотрела на Ли. Тот едва заметно кивнул.

Она откинула одеяло окончательно, спустив ноги с лавки. Ступни коснулись холодного пола. Она выпрямилась во весь рост. Даже без скафандра, в чужой рубахе, она была на голову выше большинства женщин этого времени.

— Это правда, княжич, — ее голос прозвучал ровно и властно. — Но огонь — это лишь инструмент. Главное — знание.

Ярослав медленно улыбнулся. Улыбка сделала его лицо моложе и опаснее.

— Знание, — повторил он. — Садись. Рассказывай. С самого начала. Откуда падают звезды, если на небе нет дыр?

Ева встретилась с ним взглядом. Она потеряла мужа. Потеряла свой век. Потеряла свой дом.

— Звезды не падают, Ярослав, — сказала она, делая шаг вперед. — Это мы падаем, пытаясь до них дотянуться. Садись, княжич. Разговор будет долгим. Нам с тобой предстоит переписать историю.

Ли тихо хмыкнул за ее спиной и потянулся к кувшину с медом. Кажется, их новая жизнь в прошлом начинала ему определенно нравиться.

Глава 3

Княжич Ярослав не стал садиться в резное кресло у окна, предназначенное для него. Он тяжело опустился на простую деревянную скамью напротив постели Евы, положив на колени широкие, привычные к мечу ладони. Ратибор остался у двери, переминаясь с ноги на ногу и исподлобья глядя на «небесную деву». Ли, сославшись на необходимость «проверить состав утренней каши», бесшумно выскользнул в сени, плотно прикрыв за собой дверь.— Ты сказала, мы падаем, — начал Ярослав, не тратя времени на приветствия. Его серые глаза не моргали, изучая каждую черточку ее лица. — Но твой огонь не опалил плоть, а срастил кость. Твоя одежда не горит в пламени. Ты не похожа на беса, женщина. Бесы сеют ужас. Ты же... ты смотришь на меня так, будто это я — диковинка в твоем зверинце.Ева медленно провела рукой по грубой льняной рубахе, которую ей подобрал Ли. Ткань раздражала кожу, привыкшую к шелку нанокомпозита.— Ты умнее, чем я ожидала от жителя леса, — ровно ответила она. — Хорошо, княжич. Давай отбросим богов. Я упала с неба, потому что мой... мой корабль сломался. Я пришла из земель, которые лежат так далеко, что до них нельзя доехать на коне и нельзя доплыть на лодье. Там люди строят города до облаков и не боятся ни печенегов, ни хазар, ни мора.— Города до облаков, — Ярослав усмехнулся, но в усмешке не было насмешки, только горькая ирония. — Я был в Царьграде. Я видел их храмы. Они высоки, но они стоят на земле. Ты лжешь красиво, но лживо.— Я не лгу, — Ева наклонилась вперед. В ноздри ударил запах ее собственного пота и чужого немытого тела князя. — Я могу доказать. Ратибор!Здоровяк у двери вздрогнул и шагнул вперед, положив руку на рукоять топора. — Да, госпожа?— Вчера, когда ты нашел меня в лесу, на тебе была надета рубаха. Я заметила на ней пятно. Похоже, ты пролил туда квас или брагу. Большое, темное пятно на левом плече.Ратибор побагровел, его рука дернулась к плечу, словно проверяя, на месте ли одежда. — Откуда... я сменил рубаху перед тем, как сюда войти! Ты ведьма! — его голос сорвался на сип.— Я не ведьма, — Ева перевела взгляд на Ярослава. — Я просто очень внимательная. Я вижу то, чего не видят другие. В моем мире это называют «анализ данных». Я знаю, что через три года у тебя родится сын, Владимир. Я знаю, что твой отец, князь Владимир, болеет и слабеет, а твой брат Святополк уже точит ножи в Турове. Я знаю, что печенеги снова придут под стены Киева, когда листья на дубах пожелтеют.Ярослав медленно встал. Он подошел к столу, взял с него тяжелую серебряную чашу с медом, но пить не стал. Он смотрел на игру света в металле.— Если ты знаешь о печенегах, — тихо произнес он, не оборачиваясь, — значит, ты знаешь, как их остановить. Если знаешь о брате — знаешь, как мне выжить. Ты не просто упала с неба, Ева. Ты — оружие. Самое страшное оружие, которое видел этот мир.— Я не оружие, — голос Евы стал жестким. — Я человек. И я не буду строить твою власть на крови. — Власть всегда стоит на крови, — Ярослав повернулся. Его лицо внезапно утратило всякое подобие мягкости, превратившись в маску расчетливого политика. — Вопрос лишь в том, чья это будет кровь. Твоего будущего сына или моего. Если ты откажешься мне помогать, я отдам тебя епископу. Он любит сжигать вещуний. Он будет жечь тебя медленно, пока ты не попросишь пощады. А когда ты попросишь, я тебя спасу. И тогда ты будешь должна мне всё. Выбирай.Это был чистый блеф, и Ева это понимала. Ли, обладающий лазером и антибиотиками, мог сжечь половину Киева, прежде чем епископ успеет поднести факел к дровам. Но Ли — врач, он не станет убивать. А Ярослав давил на единственную уязвимость гостьи из будущего — ее абсолютное, физическое одиночество в этом времени.Ева посмотрела на свои колени. Затем подняла глаза.— Ты угрожаешь мне огнем, княжич? — она позволила себе холодную улыбку. — Хорошо. Давай поговорим об огне. Она протянула руку. На ладони, прямо на коже, вспыхнул неяркий, ровный синий огонек. Это был индикатор заряда батареи скафандра, который Ли перепрограммировал на внешнюю проекцию для демонстрации. Пламя не обжигало, не дрожало и не коптило.Ратибор у двери глухо

зарычал и отступил на шаг, начав быстро креститься. Ярослав не дрогнул. Он наклонился, вглядываясь в огонек.— Это не бесовское пламя, — констатировал он. — Оно мертвое. В нем нет жизни. Как в болотных огнях. Что это?— Это часть меня, — Ева сжала кулак, гася свет. — Это то, что заставляет мой ум работать быстрее, а тело — не болеть. Но я не отдам это тебе для войны. Если я научу тебя делать такие огни, чтобы метать их во врага, через сто лет твои потомки уничтожат друг друга. Я видела это в расчетах. Знание, данное варвару, становится проклятием.— Значит, ты считаешь меня варваром? — глаза Ярослава опасно сузились.— Я считаю тебя человеком, который стоит перед выбором, — Ева тоже поднялась. Теперь они стояли почти вплотную. От него пахло властью — потом, кожей и холодной яростью. — Твой отец принес вам веру, но не принес мира. Ты хочешь объединить эти земли. Я могу помочь тебе в этом. Но не мечом.— Чем же? Словом? — он фыркнул. — Мои бояре не чтут слов. Они чтут золото и сталь.— Я дам тебе то, перед чем склонятся и те, кто любит золото, и те, кто любит сталь, — Ева сделала паузу, подбирая слова, которые поймет человек одиннадцатого века. — Закон, княжич. Справедливость, которую нельзя перекупить. Ярослав молчал долго. Слышно было только, как за стеной в гриднице гремят посудой дружинники и как тяжело дышит Ратибор. Наконец княжич отошел к окну, глядя на серые воды Днепра вдалеке.— Русская Правда, — прошептал он. — Мой отец начал ее писать, но забросил, увлекшись молитвами. Он хотел карать, а не судить. Ты предлагаешь мне стать судьей для всей Руси?— Я предлагаю тебе стать строителем, — Ева подошла к нему, но не коснулась. — Ты хочешь знать, что будет дальше? Я скажу. Если ты будешь править только силой, брат убьет тебя, как только отец закроет глаза. Если ты дашь людям закон, который защитит смерда от произвола тиуна, а купца — от разбойника, люди встанут за тебя. Не за твою дружину. За *тебя*. Ярослав обернулся. В его глазах впервые мелькнуло что-то похожее на уважение.— Ты опасная женщина, Ева, — тихо сказал он. — Ты говоришь о мире, но твои слова звучат как план захвата города. Ты останешься здесь. В моем тереме. Ли... твой лекарь останется с тобой. Он будет учить моих отроков врачевать раны. А ты... ты будешь учить меня. — Чему? — спросила она.— Всему, — отрезал он. — С чего начнем?Ева посмотрела на грубый деревянный стол. На нем, среди объедков и кувшинов, лежал кусок бересты и острое писало. — С математики, — она взяла писало. — С того, что один и один всегда равняется двум. И с того, что если мы хотим построить великий город, нам нужно перестать считать людей по головам для дани, и начать считать их по уму для дела. Она вывела на бересте несколько ровных, четких цифр, знакомых ей с детства, но чуждых этому веку. Ярослав склонился над столом, забыв про свой недопитый мед. Его тень упала на стену, сливаясь с тенями его предков-язычников, но взгляд был прикован к сухим, строгим линиям науки.— Это греческие цифры? — спросил он.— Это язык будущего, — ответила Ева. — Учись, княжич. У нас впереди долгая ночь.За дверью, в сенях, Ли прислонился лбом к холодной деревянной створке и медленно сполз по ней на пол, закрыв лицо руками. Его плечи дрожали. Он не смеялся и не плакал. Он просто пытался осознать, что только что произошло: женщина с переломом бедра за один разговор переиграла будущего великого князя Киевского, превратив смертный приговор в предложение о сотрудничестве. Ли глубоко вдохнул, вытер выступивший на лбу пот и поднялся. Ему нужно было найти Ратибора. Если они собираются строить здесь цивилизацию, для начала этому цивилизованному обществу срочно требовалась нормальная канализация.

Первые две недели Ева жила в золотой клетке.

Ярослав приставил к ней двух отроков для письма, старого грека-переводчика, который от постоянного недоумения начал заикаться, и лично запер сундук с ее одеждой. Скафандр, разобранный Ли на части, теперь лежал в подклети под десятью пудами соли — княжич решил, что «мертвая чешуя» должна храниться как зеница ока.

Сама Ева изнывала. Ее мозг, привыкший обрабатывать потоки данных со всей Евразии, сходил с ума от необходимости диктовать правила счета на бересте.

— Это невыносимо, — прошипела она, бросая писало на выскобленный стол. Чернила брызнули, оставив на белой ладони кляксу. — Ярослав, если ты еще раз заставишь меня объяснять разницу между «числом» и «цифрой» отроку, который вчера пас свиней, я построю эту чертову виселицу сама и на ней же повешусь.

Княжич, сидевший в кресле с ногами, укрытыми медвежьей шкурой, медленно поднял глаза от свитка. За эти дни он изменился: перестал сутулиться, взгляд стал цепким, а в густой русой бороде прибавилось седины — не от возраста, а от напряжения мысли.

— Тише, — он кивнул на тонкую перегородку, за которой сопели отроки. — Они еще не знают, что дважды два — четыре. Для них это чудо Господне. Не спугни. И потом, ты сама виновата. Зачем ты нарисовала им арабские знаки? Теперь они пытаются писать букву «веди» задом наперед.

— Арабские знаки понятны любому идиоту, у которого есть пальцы! — Ева вскочила и принялась мерить шагами тесную горницу. Десять шагов в длину, восемь в ширину. — А твоя кириллица — это издевательство над геометрией. Ли, скажи ему!

Ли, который в углу пытался смешать толченый мел, сажу и куриный желток для получения нормальной туши, лишь виновато развел руками. Он тоже выглядел уставшим. Местная диета из репы, солонины и меда безжалостно била по печени врача двадцать второго века.

— Она права насчет отроков, княже, — дипломатично заметил Ли. — У них клиповое мышление. Им нужен визуальный ряд. А еще у младшего, Мстиши, опять глисты. Дай мне хотя бы горсть пижмы, Ева, иначе завтра на уроке у нас будет не арифметика, а анатомия в реальном времени.

— Пижма в сенях, в холщовом мешке, — машинально бросила Ева, не прекращая ходить. — Ярослав, я не могу так работать. Мне нужен свет. Настоящий свет, а не эти коптилки, от которых у меня в глазах пляшут черти. Мне нужен угол падения луча, мне нужна доска, а не береста, которую ведет от влаги!

Ярослав со вздохом отложил свиток. Он выглядел старше своих лет. Власть давалась ему тяжелее, чем битва.

— Ты требуешь невозможного, — тихо сказал он. — Ты хочешь, чтобы я изменил быт моего двора ради твоего удобства? Мои бояре и так смотрят на меня косо. Привез грека — ладно. Привез лекаря, который не пускает кровь — терпят. Но если я начну жечь воск в таких количествах для твоих «научных нужд», они решат, что я продал душу. А если увидят твои чертежи... — он кивнул на угол, где под рогожей скрывались схемы водопровода. — Они решат, что я хочу отравить колодцы.

Ева остановилась. В ее глазах, привыкших к холодному блеску стали, мелькнуло что-то похожее на отчаяние.

— Ты не понимаешь, — она подошла к нему вплотную, нависая. — Я не прошу воск. Я прошу химию. Уголь, сера, селитра. Мне нужен порох.

В комнате повисла тишина, густая и тяжелая, как смола. Ли перестал давить пестиком в ступке. Даже сопение за перегородкой, кажется, стихло.

Ярослав медленно выпрямился в кресле. Его рука сама собой легла на пояс, туда, где обычно висел меч.

— Ты хочешь оружие, — это был не вопрос, а утверждение.

— Я хочу свет, — жестко отрезала Ева. — И я хочу, чтобы ты меня слушал. Ты хочешь объединить Русь? Твои города разделены неделями пути. Вести идут месяцами. Ты правишь вслепую. Если в Чернигове завтра умрет посадник, ты узнаешь об этом, когда там уже сменится власть. Мне нужен порох не для пушек. Мне нужен порох для сигнала. Черный дым днем, яркая вспышка ночью. От Киева до Чернигова. От Чернигова до Переяславля. Оптический телеграф.

Ярослав смотрел на нее долго, тяжело. Его ум политика переваривал концепцию. Скорость передачи информации. Преимущество, которое не дает ни один меч.

— Это... потребует селитру, — медленно проговорил он. — В моих погребах ее нет. Ее собирают по крупицам в выгребных ямах. Это грязь. Дьявольская грязь.

— Это химия, — Ева вернулась к столу, схватила уголек и начала быстро чертить прямо на выскобленных досках пола. — Смотри. Это селитра. Это уголь. Это сера. Если смешать их в пропорции семь, один и один, и измельчить в пыль тоньше, чем мука для просфор...

— Ты рисуешь на полу, — глухо сказал Ярослав.

— Я строю империю на полу! — рявкнула она, откидывая со лба прядь волос. — Ли, у тебя есть медный купорос? Если смешать его с золой, мы получим щелочь. Если щелочь нагреть с жиром...

— Получим мыло, — убитым голосом закончил Ли. — Ева, у нас нет колб. У нас нет весов. У нас нет градусника. Если мы ошибемся в пропорции хотя бы на щепоть, этот твой «оптический телеграф» оторвет нам головы прямо в лаборатории.

— Значит, будем ошибаться, — Ева повернулась к князю. — Ярослав. Выдели мне погреб. Самый глубокий. Прикажи своим холопам собирать всю грязь из нужников. Прикажи кузнецам перековать твои старые мечи в серпы, чтобы жечь больше леса на уголь. И пошли людей за серой в Переяславль.

— А если я откажусь? — спросил княжич. В его голосе не было угрозы, только искреннее любопытство.

Ева улыбнулась. Это была холодная, пугающая улыбка.

— Тогда я начну учить твоих отроков не арифметике, а баллистике, — она ткнула углом в чертеж на полу. — Я объясню им, как рассчитать траекторию камня, выпущенного из требушета. И первым городом, который мы «просигнализируем» дымом, станет усадьба твоего брата Святополка. Я просто обрушу ему южную стену. У меня очень много свободного времени, княжич. И я устала от репы.

Ярослав расхохотался. Громко, от души, запрокинув голову. Его смех эхом отразился от низких потолков.

— Вот теперь я узнаю небесную гостью, — сказал он, утирая выступившие слезы. — А то я уж думал, ты и правда решила стать монахиней. Будет тебе погреб, Ева. Будет тебе грязь. Но если взлетишь на воздух — я лично скормлю твои кости собакам, чтобы не смущать народ рассказами о вознесении.

— Договорились, — она протянула ему руку.

Ярослав, мгновение поколебавшись, пожал ее ладонь. Его рука была горячей и мозолистой. Ева почувствовала силу, способную гнуть подковы, и поняла, что этот человек пойдет до конца. Как и она.

— Ли, — бросил Ярослав, не отпуская руки Евы. — Проследи, чтобы она не ела местные грибы. У нее слишком хороший ум, чтобы потерять его из-за бледной поганки. И... найди мне того отрока с глистами. Я хочу посмотреть, как выглядит «визуальный ряд» в медицине.

Ли только мученически возвел глаза к потолку.

Вечером, когда Ева осталась одна, в горницу, скрипнув дверью, проскользнул Ратибор. Он больше не смотрел на нее со страхом. В его взгляде читалось тяжелое, почтительное недоумение.

— Госпожа, — пробасил он, переминаясь с ноги на ногу. — Там... дружина гудит. Говорят, князь умом тронулся. Велит нужники чистить, а дерьмо не выносить за тын, а в погреб нести. Говорят, беси в том дерьме живут, а княжна их кормит.

Ева, сидевшая над медной чашей с водой, посмотрела на свое отражение. Чужое лицо, обветренное местным солнцем, с синяками под глазами от недосыпа.

— Скажи им, Ратибор, — тихо, но так, чтобы каждое слово резало воздух, произнесла она. — Скажи своим гридням, что беси живут не в дерьме. Беси живут в головах тех, кто не хочет учиться. А я сейчас буду учить их князя видеть завтрашний день. И если они хотят дожить до этого дня, пусть лучше принесут нам еще два мешка селитры. Понял?

Ратибор сглотнул. Его огромная фигура как-то разом ссутулилась. — Как не понять, госпожа. Понял.

Он развернулся и вышел, осторожно прикрыв дверь.

Ева опустила пальцы в холодную воду. Вода отразила ее лицо — лицо женщины, которая только что пообещала князю XI века построить интернет из навоза и сажи.

— Марк, — прошептала она в пустоту, зная, что он ее не слышит. — Если бы ты видел нас сейчас. Мы сошли с ума. Но, кажется, у нас получается.

Запах в нижнем погребе стоял такой, что слезились глаза даже у привыкшего ко всему Ли. Ева, обмотавшая нижнюю половину лица влажной льняной тряпицей, выглядела как палач или чумной доктор. Она стояла над глиняным тиглем, в котором булькала густая черная жижа, и сосредоточенно размешивала ее длинной деревянной палкой.

— Если мы не взлетим на воздух к утру, — прохрипел Ли, вытирая лоб рукавом, — я потребую у Ярослава отдельную усадьбу. И чтобы она была на холме. И чтобы там пахло лавандой. Или хотя бы не пахло этим.

— Не скули, — Ева вытащила палку, осмотрела налипший на нее осадок и брезгливо стряхнула его в ведро. — Это химия, Ли. Великая, грязная, вонючая химия. Если бы Ньютон сидел в саду, пахнущем лавандой, он бы никогда не открыл закон всемирного тяготения. Ему бы просто было слишком хорошо.

— Ньютону не приходилось фильтровать мочу княжеских дружинников через песок, чтобы получить селитру, — огрызнулся врач. — Ева, у меня руки по локоть в... в истории. Я клялся не навредить. Кажется, я нарушаю клятву, отравляя местную экологию.

— Ты нарушаешь клятву, когда воруешь спирт у ключницы для дезинфекции, — Ева сняла тигль с жаровни, обмотав руки толстой кожей. — Помоги мне перелить это в формы. Если застынет комком, мы получим не порох, а бадабум. А нам нужна грануляция.

В этот момент над их головами, где-то на уровне пола (который для Евы и Ли был потолком погреба), раздались тяжелые, уверенные шаги. Дубовые доски прогнулись.

Ли замер с глиняной формой в руках. — Только не это. Если это Святополк прислал убийц, я клянусь, я использую этот тигль как оружие.

Крышка люка, ведущего в погреб, со скрипом отодвинулась. В квадрате тусклого света появилась массивная фигура.

Ярослав спустился по приставной лестнице, морщась от ударившего в нос запаха. Он был без кольчуги, в простой домашней свите, но держался так, словно на нем были золотые латы. За ним, кряхтя и крестясь, в погреб сполз старый ключник.

— Княже, не губи, — запричитал старик, зажимая нос. — Христом Богом прошу, тут же сам Сотона свадьбу справляет!

— Цыц, — бросил Ярослав, даже не взглянув на него. Его взгляд был прикован к столу, заваленному странными инструментами, весами из рыбьей кости и тиглями. — Я привел гостя, Ева. Полагаю, ты захочешь с ним познакомиться.

Ева разогнулась, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Она выглядела изможденной, грязной, но глаза ее горели лихорадочным блеском первооткрывателя.

— Если твой гость умеет отличать селитру от обычной соли, пусть остается, — она кивнула на ступку. — А если нет, пусть дышит через тряпку, как мы.

Ярослав посторонился, пропуская кого-то вперед.

В погреб шагнул человек, чей облик резко контрастировал с полумраком и грязью мастерской. На нем был черный подрясник дорогого сукна, расшитый серебряной нитью, а

на груди висел тяжелый золотой крест. Длинные, тронутые сединой волосы были аккуратно убраны под камилавку. От него пахло не ладаном и смирением, а дорогим вином, воском и властью.

— Игумен Анастас, настоятель Десятинной церкви, — представил Ярослав. — Человек, который учит меня бояться Бога. А это... — княжич обвел рукой погреб, — ...Ева. Женщина, которая, кажется, решила Бога заменить.

Анастас обвел взглядом лабораторию. Его глаза, умные и холодные, остановились на Еве. Он не перекрестился при виде «бесовского варева», что сразу выдало в нем не фанатика, а прагматика.

— Мне сказали, княжич, что вы храните в своем доме звезду, упавшую с небес, — голос игумена был бархатным, вкрадчивым, но с железными нотками. — Я пришел убедиться, что эта звезда не спалит ваш город дотла.

— Она спалит только ваших врагов, святой отец, — Ева подошла к столу, взяла один из своих чертежей, испещренный линиями, и развернула его перед священником. — Подойдите. Не бойтесь, ладан не горит.

Анастас шагнул ближе, его свита осталась у лестницы. Игумен склонился над чертежом. Его брови медленно поползли вверх.

— Что это? — спросил он, касаясь пальцем схемы. — Башня? Но зачем строить башню, которая не ведет к небу? В ней нет колоколов.

— Это глаза земли, — Ева взяла уголек. — Смотрите. Киев. Здесь. А здесь, — она провела линию на северо-восток, — Переяславль. Если мы поставим такую же башню там, мой человек на этой вершине сможет зажечь огонь. И ваш человек на той вершине увидит его через пять ударов сердца.

— Птица летит быстрее, — заметил Анастас.

— Птица спит ночью, — парировала Ева. — Птица боится дождя. А огонь — нет. Если в Переяславле появятся половцы, мы узнаем об этом в Киеве раньше, чем первый дозорный успеет вскочить в седло. Вы понимаете, что это значит для войны, святой отец?

Анастас выпрямился. Он посмотрел на Ярослава. Княжич стоял, скрестив руки на груди, и с нескрываемым удовольствием наблюдал за реакцией священника.

— Это значит, что князь узнает о беде до того, как беда узнает о нем, — медленно проговорил игумен. — Это значит, что мы сможем собирать полки не за неделю, а за день. — Он перевел взгляд на Еву, и в его глазах впервые мелькнуло нечто похожее на страх. — Вы даете смертному власть над временем. Это искушение, княжна. Величайшее искушение.

— Это инструмент, — жестко ответила Ева. — Как меч. Им можно резать хлеб, а можно — глотки. Вы учите князя смирению перед Богом. А я учу его побеждать людей. Не мешайте мне, святой отец, и я не буду объяснять вашим прихожанам, почему их молитвы не работают, а мои расчеты — да.

Ярослав громко рассмеялся, нарушая тяжелую тишину погреба.

— Видишь, Анастас? — княжич хлопнул игумена по плечу, отчего тот поморщился. — Я же говорил, она — дар. Только дар этот с когтями.

— Когти можно вырвать, — тихо сказал Анастас, не сводя глаз с Евы. — Ересь горит так же хорошо, как ваш порох, княжич.

— Ересь — это когда лгут о Боге, — Ева взяла со стола кусок уже застывшего, сероватого пороха и взвесила его на ладони. — А я говорю о рычагах. О математике. О физике. Если ваш Бог создал этот мир, значит, он создал и законы, по которым он работает. Я просто их читаю.

— Опасные слова, — усмехнулся игумен, но перекреститься снова забыл. — Я донесу о них митрополиту.

— Донесите, — кивнула Ева. — А пока вы будете ехать в Царьград, мы построим первую вышку. И если митрополит сломает ногу в дороге, мы узнаем об этом в Киеве через час. А

если он решит отлучить нас от церкви, Ярослав просто отправит ему письмо с голубем. Или зажжет огонь на башне. Выбирайте, святой отец. Вы с нами или вы остаетесь в прошлом, где новости идут со скоростью хромой лошади.

Анастас молчал долго. Он смотрел то на чертежи, то на тигли, то на лицо княжича, в котором мальчишеский восторг смешивался с жесткостью хищника.

— Я буду молиться, чтобы ваша башня не рухнула, — наконец произнес он. — И чтобы она не стала Вавилонской.

— Молитвы — это прекрасно, — Ева вернулась к тиглю. — Но кирпичи держатся на извести. Ли, подай мне известковое молоко. У нас много работы. Проводи гостя, княже. У него, должно быть, разболелась голова от вони. Я же говорила — нужна вентиляция.

Ярослав, все еще посмеиваясь, подтолкнул остолбеневшего игумена к лестнице. — Идем, Анастас. Мы мешаем науке. И вели холопам принести сюда бочонок меду. Ева забыла поесть с утра, а когда она голодная, она становится еще более еретичной.

Когда крышка люка захлопнулась, отрезая их от мира, Ли вытер лоб уже чистой тряпицей и посмотрел на Еву с плохо скрываемым ужасом.

— Ты только что угрожала главе русской церкви государственным переворотом с помощью телетрафика, — прошептал он. — И ты торгуешься с ним, как на базаре.

— Это политика, Ли, — Ева взяла в руки тяжелый деревянный молот для дробления угля. — Власть — это не золото. Власть — это скорость. Кто первый узнал, тот первый ударил. — Она занесла молот над ступкой. — А теперь помолчи. Мне нужно рассчитать плотность гранул. Иначе завтра на демонстрации перед боярами у нас вместо сигнального дыма оторвет крышу погреба. И тогда даже мои «когти» нас не спасут.

Внизу, в темноте, мерно и ритмично застучал молот, перемалывая прошлое в будущее.

Глава 4

Площадь перед Десятинной церковью гудела, как растревоженный улей. Бояре в собольих шапках, дружинники в начищенных до блеска кольчугах, купцы и простой киевский люд — все теснились за выставленным оцеплением. Ева стояла на специально сколоченном помосте, чувствуя себя крайне глупо. Ли настоял, чтобы она надела поверх своей рабочей рубахи тяжелое парчовое платье, принадлежавшее покойной жене Ярослава. Ткань душила, сковывала движения, а вес золотых наручей-«обручей» оттягивал руки. — Улыбайся, — сквозь зубы процедил стоявший рядом Ярослав. Он выглядел безупречно: в алом плаще, с золотым поясом, спокойный и величественный. — Если эта куча дерьма, которую вы месили месяц, не вспыхнет, они нас самих в нее закопают. Начни с математики. Их это усыпляет.— Твои бояре тупее моих отроков, — огрызнулась Ева, но шагнула к краю помоста. Внизу, прямо перед возвышением, лежал «объект»: груда плотно набитых кожаных мешков, обмазанных глиной, имитирующая крепостную стену. За ней, на безопасном расстоянии, жались зеваки.Ева подняла руку. Гул медленно стих. — Мужи киевские! — ее голос, усиленный хитро спрятанным под воротником рупором из бересты (еще одна идея Ли), разнесся над площадью. — Вы привыкли мерить землю шагами, а время — ударами колокола. Вы думаете, что даль — это там, куда не доедет конь. Я докажу вам, что даль — это лишь вопрос зрения.Она кивнула Ратибору. Тот, наряженный по случаю в новую рубаху, пыхтя от гордости, подтащил к помосту странное сооружение: две гладко оструганные доски, скрепленные поперек, с натянутой между ними скрученной жилой. Арбалет. Тяжелый, охотничий, но переделанный под каменные снаряды.— Это рычаг, — Ева взяла гладкий речной голыш. — Он умножает силу руки. Но он слеп. Он бьет туда, куда смотрит глаз. А глаз ошибается. Она вложила камень в желоб. — Смотрите.Ева прицелилась в глиняную стену. Сухой щелчок тетивы. Камень с треском ударил в самый край стены, выбив кусок глины, но не разрушив ее. Толпа разочарованно загудела.— Слабо! — выкрикнул кто-то из бояр. — Моя бабка плюнет дальше!— Это потому, что я целилась в тень, — спокойно ответила Ева. — Солнце светит слева. Тень обманула мой глаз. Но математика не умеет лгать. Ли!Ли, стоявший у ящика с инструментами, поднял табличку, на которой были начерчены углы. — Сорок пять градусов к горизонту! — выкрикнул он. — При массе снаряда в четверть гривны и силе натяжения в десять пудов, вектор падения придется точно в центр кладки!— Он говорит «вектор», — шепнул Ярослав стоявшему рядом Анастасу. — Я не знаю, что это, но звучит дороже золота.Ева перезарядила арбалет. Прищурилась, игнорируя мишень, и выверила угол по делениям, которые они выжгли на дереве. — Огонь!Тетива щелкнула. Камень просвистел по высокой дуге и ударил ровно в геометрический центр глиняной стены. Глина брызнула во все стороны. Стена устояла, но трещина прошла от макушки до основания.— Сила без ума — это просто шум, — Ева положила арбалет. — Но сегодня мы добавим к силе кое-что еще. Жар, который живет в земле.Она спустилась с помоста. Толпа подалась назад. Ева подошла к мешкам. Рядом, на низком столике, стояли три глиняных горшка. В первом была сера — желтоватая, пахнущая преисподней. Во втором — толченый уголь, черный как ночь. В третьем — селитра, которую они с Ли три недели вываривали из навоза, мочи дружинников и золы. Она выглядела как обычный грязный снег, но Ева знала, что это — спрессованное время.— Это, — она подняла горшок с селитрой, — соль земли. Она спит. Она взяла уголь. — Это память деревьев. Он тлеет. Она взяла серу. — Это кровь гор. Она горит.Ева начала ссыпать порошки в медный котел, стоявший прямо у основания стены. Бояре вытягивали шеи. Анастас, стоявший по правую руку от княжича, беззвучно шевелил губами, читая молитву.— Смотрите внимательно, — Ева взяла длинную свинцовую трубку, запаянную с одного конца. — Мы не будем метать это горшками. Горшок тяжел и летит медленно. Мы заставим воздух толкать камень.Она плотно забила «глухой» конец свинцовой трубы мокрой глиной и деревянным

клином. Получилась примитивная бомбарда. Затем засыпала туда мерную порцию черного порошка из котла. Сверху, используя деревянный шомпол, загнала обтесанный булыжник.— Ярослав, — позвала она. Князь шагнул вперед. Его лицо было серьезным. — Отойди, — приказал он толпе. — Ратибор, щиты!Дружинники выставили перед помостом тяжелые червленые щиты.— Ли, фитиль, — скомандовала Ева.Ли, бледный, но собранный, поднес к свинцовой трубке тлеющий трут. Фитиль, пропитанный селитрой, зашипел, разбрасывая искры.— Тридцать секунд, — бросил Ли. — Уходим за щиты.Они втроем — Ева, Ли и Ярослав — спрятались за дубовые щиты Ратибора. — Сейчас, — прошептала Ева. — Сейчас вы поймете, почему я не хотела давать вам это для войны. Потому что после этого боя в топорах больше не будет смысла.Шипение фитиля в наступившей мертвой тишине казалось громче набата. *Бум.*Звук был не похож на гром. Он был плотным, материальным, ударившим прямо в грудину. Земля под ногами дрогнула. Свинцовая труба разлетелась в куски, но камень, вылетевший из нее, не просто ударил в стену. Он *прошил* ее. Кожаные мешки лопнули, глина превратилась в пыль, и на месте «крепости» зияла рваная дыра. На секунду над площадью повисла абсолютная, звенящая тишина. Слышно было только, как где-то в ужасе заржала лошадь.А потом толпа взорвалась. — Слава князю! — заорал кто-то из гридней. — Чертово зелье! — визгливо выкрикнул купец, падая на колени. — Анафема! — взвизгнул дьякон, прячась за спину Анастасия.Ярослав вышел из-за щита. Он не улыбался. Он смотрел на дыру в стене взглядом полководца, только что выигравшего войну одним броском кости. Он подошел к Еве, которая отряхивала с платья пыль.— Сколько таких... пушек... ты можешь сделать? — спросил он тихо, чтобы слышала только она.— Ни одной, — отрезала Ева, тяжело опираясь на плечо Ли. Адреналин схлынул, и сломанная нога, которую Ли кое-как срастил без гипса, заныла тупой, выворачивающей болью. — Это слишком опасно. Но я могу научить вас лить чугун. И я могу построить те башни. Ярослав посмотрел на нее сверху вниз. В его глазах больше не было игривости. — Ты пришла править, — это был не вопрос.— Я пришла выжить, — ответила Ева. — Но если для этого нужно научить вас считать и поджигать землю... я это сделаю. К ним, расталкивая толпу, пробился Анастас. Его лицо было белым, но глаза горели фанатичным огнем. — Это чудо, Ярослав! — воскликнул он, забыв о сане. — Это дар небес! С таким огнем мы утопим печенегов в их же крови!Ева медленно повернулась к игумену. Боль в ноге делала ее злой и безжалостной. — Это не чудо, святой отец, — громко, чтобы слышали все, сказала она. — Это селитра из дерьма твоих прихожан, уголь из их заборов и сера из-под земли. Это навоз, огонь и математика. Если это чудо, то чудо вонючее. Площадь грохнула хохотом. Даже дружинники, привыкшие к суровости, заржали, сгибаясь пополам. Анастас побагровел, открывая и закрывая рот, как вытащенная из воды рыба.Ярослав положил тяжелую ладонь на плечо игумена. — Успокойся, Анастас, — ласково сказал князь. — Ева права. Господь дал нам навоз и мозги. Грех не использовать и то, и другое во славу земли Русской. Он обвел взглядом притихшую площадь. — Слушайте все! Отныне княгиня Ева — моя первая советница по делам каменным и огненным. Всякий, кто чинит ей препоны, чинит их мне. А теперь, — он повысил голос, — несите мед! Сегодня Киев стал выше!Толпа снова взревела. Бояре, забыв о страхе, кинулись поздравлять княжича. Ли подхватил Еву, когда колени ее начали подгибаться. — Ты только что оскорбила церковь, чуть не оглушила князя и разрушила мешки с дерьмом, — прошептал он ей на ухо, уводя с помоста в сторону терема. — И тебя назвали советницей. — Я знаю, — Ева оперлась на него всем весом. В глазах плыло от боли и усталости. — Ли, я больше не могу. Мне нужен отвар. И чтобы этот чертов парчовый мешок с меня сняли. Я чувствую себя тушей на продажу.— Будет исполнено, Коммандер, — Ли усмехнулся, называя ее старым званием. — Добро пожаловать в политику, Ева. Она пахнет еще хуже, чем наша лаборатория.

Терем Ярослава никогда не казался Еве тесным, но сегодня, в разгар совета, он давил на плечи низким потолком и запахом разогретого воска. Прошло три месяца с «Демонстрации силы». За это время Ева из «небесной гостьи» превратилась в «Каменную княгиню». Она

больше не носила парчу — ее повседневной одеждой стали льняные рубахи и поддевки, удобные для ходьбы по стройкам.

Но сегодня был совет. В горнице, за длинным столом, собрались те, кто правил Киевом, пока княжич учился быть императором.

Напротив Евы сидел посадник Гордята — старый, хитрый лис, чьи предки помнили еще Игоря. Рядом с ним — воевода Вышата, человек-гора, чьи мозги, казалось, состояли только из тактики засад. По левую руку от Ярослава, как всегда бледный и язвительный, расположился Анастас. Сам княжич сидел во главе стола, медленно вращая в пальцах серебряную ложку. Он молчал, позволяя им выговориться.

— Каменная башня на Подоле — это безумие! — рубил воздух узловатой ладонью Гордята. — Триста гривен серебра! Ярослав, в казне нет столько дирхемов! Нам нужно платить откуп печенегам, а ты хочешь строить памятник своей... своей девке!

Ева не повела бровью. За эти месяцы она научилась пропускать оскорбления мимо ушей, как шум ветра.

— Это не памятник, боярин, — ровно ответила она. — Это таможня. Сейчас лодки с товаром разгружают на песке. Дождь — и зерно гниет. Ветер — и ладьи бьются о берег. Башня даст нам пристань. Пристань даст нам контроль над разгрузкой. Контроль даст нам пошлину. Через год эта башня окупит себя трижды. Математика, Гордята. Не я ее придумала.

— Твоя математика смердит! — рявкнул Вышата. — Ты строишь башню, а печенеги жгут села под самым носом у Киева! Мне нужны кольчуги, а не камни! Дай мне серебро на три сотни копий, и я принесу тебе голову хана!

— И потеряешь три сотни своих лучших мужей, чтобы принести мне одну пустую голову, — Ева подалась вперед. Ее голос стал ледяным. — Воевода, сколько стоит вырастить воина? — Всю жизнь его отца! — взревел Вышата. — А сколько стоит построить вышку? — Ева взяла уголек и быстро начертила на выскобленной столешнице схему. — Дерево. Камень. Десяток плотников. Если мы поставим цепь вышек от Киева до Триполья, один дым скажет нам о набеге раньше, чем первый смерд добежит до города. Мы встретим хана не тремя сотнями уставших копий, а пятью тысячами свежих мечей, которые выйдут из городских ворот за час до его прихода. Что ценнее, Вышата? Жизнь тридцати дружинников или сохранность всей земли?

Воевода насупился. Он был воином старой закалки, и мысль о том, что дым из навоза может быть полезнее острого топора, оскорбляла его эстетическое чувство, но логика била больно.

— Дерзко говоришь, княгиня, — процедил он. — Я говорю дорого, — парировала Ева. — Хотите проверить? Спросите купцов, что стоят на торжище. Они платят за охрану каждого воза. С вышками их товары дойдут быстрее и целее. Они сами скинутся на бревна, если я пообещаю им снизить мыто на ярмарке.

Анастас, до этого молча перебиравший четки, медленно положил их на стол. Звук дерева о дерево прозвучал как выстрел.

— Ты строишь Вавилон, Ярослав, — тихо, но так, что услышали все, сказал игумен. — Ты строишь башню до небес, надеясь на разум человеческий, а не на промысел Божий. Эти камни холодны. В них нет молитвы. Народ ропщет. Они говорят, что княжич отдал Русь в руки колдунье, которая поклоняется цифрам.

Ева отложила уголек. Она посмотрела на Анастасия долгим, изучающим взглядом.

— Святой отец, — начала она вкрадчиво. — Вы учите людей смирению. Это важно. Человек, который не боится смерти, опасен для порядка. Но человек, который не боится голода, опасен вдвойне. — О чем ты? — прищурился Анастас. — О том, что твой Бог на небе, а брюхо — оно здесь, — Ева похлопала себя по животу. — Когда придет засуха, твои прихожане будут молиться. А потом они возьмут вилы и пойдут грабить тех, у кого есть хлеб. Я же строю не просто башню. Я строю каменные склады. Я учу их плавить железо не только для мечей, но

и для лемехов. Я учу их делать дренаж, чтобы болота давали сено. Я даю им не надежду на чудо, я даю им гарантию урожая.

Она встала. Ростом она была чуть ниже Ярослава, но сейчас, в этой комнате, она казалась выше всех.

— Ты боишься, Анастас, что они перестанут ходить в церковь? — она обошла стол и остановилась перед игуменом. — Не перестанут. Страх перед смертью сильнее страха перед математикой. Но пока ты пугаешь их чертями, я даю им плотины, которые держат воду. И когда плотина спасет их посевы, они назовут это чудом. И придут к тебе благодарить Бога. А я просто посчитаю, сколько камней нужно для следующей плотины. Мы не строим Вавилон, святой отец. Мы строим фундамент, на котором будет стоять твой храм.

В горнице стало тихо. Слышно было только, как за окном шумит осенний дождь и как сопит ошарашенный Гордята.

Ярослав отложил ложку. Он медленно, с наслаждением захлопал в ладоши. Звук был резким, одиноким.

— Браво, — сказал княжич. — Гордята, Вышата. Вы слышали. Башне — быть. Серебро взять из доли, что идет на откуп хану. Если башни сработают, хан сам приползет к нам просить дани, чтобы мы его от половцев защитили.

Бояре молчали. План был безумием, но в нем была пугающая, холодная красота.

— Анастас, — Ярослав повернулся к игумену. — Благослови стройку. — Я не могу благословить гордыню, — твердо ответил игумен, вставая. — Но я благословлю труд. Я приду на закладку первого камня. И я буду молиться, чтобы камни не раздавили нас.

Он развернулся и вышел, прямой как жердь. Дверь за ним закрылась без стука.

Когда шаги игумена стихли в переходе, Вышата крякнул и налил себе меда. — Ну, Ярослав... — протянул он, качая головой. — С такой женой тебе и дружина не нужна. Она одним языком режет лучше, чем я секирой. — Осторожнее, воевода, — не поворачивая головы, бросила Ева, снова садясь на свое место. — Я могу посчитать, сколько ударов сердца вам осталось, если вы будете наливать себе третью чашу перед обедом. Ваша печень — это тоже математика.

Вышата поперхнулся медом. Даже старый Гордята усмехнулся в бороду.

Дверь в горницу приоткрылась, и просунулась встрепанная голова Ли. — Я не вовремя? — спросил он, оглядывая совет. — О, вы уже закончили считать деньги? Хорошо. Потому что у меня другие цифры.

Он прошел к столу, бесцеремонно отодвинув локоть Гордяты, и разложил бересту, покрытую мелким, торопливым почерком.

— Я закончил анализ проб воды из того ручья, что течет за кожевенной слободой, — Ли брезгливо поморщился. — Там не вода, Ярослав. Это жидкая чума. Вся моча, кровь и зола от кожевников стекает туда. Если мы построим башню таможни на сваях, забитых в дно этого ручья, через два года дерево сгниет, и башня рухнет вместе с купцами.

Ярослав помрачнел. — Перенести башню выше по течению. В чем проблема? — Проблема в том, что выше по течению — пасека боярина Путяты, — Ли ткнул пальцем в карту. — А он не любит шум. А левее — огороды Десятинной церкви. Анастас не любит запах денег, если они не в его мошне.

Ева взяла бересту, пробежала глазами расчеты Ли и вдруг улыбнулась. Это была хищная, довольная улыбка.

— Замечательно, — сказала она. — Что замечательного? — опешил Ли. — У нас тупик. Мы отравим реку или разругаемся с церковью. — У нас идеальный рычаг, — Ева подняла взгляд на Ярослава. — Княже, вели позвать Путяту. И ключаря церковного. — Зачем? — Мы будем заниматься городской геометрией, — Ева свернула бересту. — Мы научим их, как правильно делиться. Ли, у тебя осталась та настойка, от которой у Вышаты в прошлый раз прошла боль в пояснице? Неси. Сегодня мы будем покупать лояльность за здоровье.

Ярослав смотрел на свою советницу, на ее грязные от угля пальцы, уверенно чертящие будущее по карте настоящего. Он видел страх в глазах своих бояр, но в ее глазах он видел только скуку. Скуку человека, который знает ответ еще до того, как задан вопрос.

— Работай, — кивнул княжич. — Но, Ева... — Да? — она подняла голову. — Постарайся не сжечь город, пока меня нет. Вечером пир в честь послов из Византии. Мне нужно, чтобы ты улыбалась и молчала о дерьме в реке. Хотя бы один час.

— Это будет стоить тебе нового шелкового платья, — тут же ответила Ева. — Мое старое после стройки годится только для вытирания рук.

Ярослав рассмеялся. Впервые за весь совет — искренне, по-человечески. — Ты невыносима. — Я эффективна, — поправила она. — Ли, иди сюда. У меня появилась идея, как использовать отходы кожевников, чтобы они не воняли. Гордята, записывайте. Мы будем делать из дерьма деньги. Буквально.

Ли, качая головой, подошел к столу и налил всем меда. В Киеве шел дождь, но в горнице княжича было жарко от горящего очага и грандиозных планов, которые пахли серой, известью и неизбежным будущим.

Пир в гриднице стоял в самом разгаре. Воздух был густым, тяжелым, пропитанным запахом жареного вепря, чесночной похлебки и немытых тел. Скамьи ломились от даров: здесь были и соленые оливки из далекой Греции, и янтарный мед, и горы хлеба. Ева сидела по правую руку от Ярослава. На ней было то самое платье из тончайшего византийского шелка, цвета грозового неба, которое княжич приказал достать из сундуков для заморских послов. Ткань приятно холодила кожу, но Ева чувствовала себя в ней неуютно. Шелк был мягким, а она привыкла к жесткости парусины и прочности кожи. Напротив нее, на почетном месте, расположились ромеи. Посол, патрикий Никифор, — лысый, с лицом, похожим на сушеную сливу, и цепкими черными глазами. Рядом с ним — переводчик, молодой, красивый юноша с идеальным греческим профилем, который, однако, слишком долго задерживал взгляд на вырезе платья Евы.— ...и тогда базилевс Василий, в своей бесконечной мудрости, — гнусавил Никифор, — готов забыть старые обиды касательно Херсонеса. Но Русь должна помнить, кто истинный светоч веры и цивилизации.Ярослав лениво крутил в пальцах золотую чашу. Он перевел взгляд с посла на Еву. — Моя советница Ева говорит, что истинный светоч цивилизации — это канализация, — ровным голосом произнес княжич. — У вас в Константинополе, говорят, есть трубы, по которым течет дерьмо, не пачкая улиц. Это правда?Никифор поперхнулся вином. Переводчик испуганно залепетал что-то на греческом, пытаясь смягчить слова. Посол вытер губы шелковым рукавом. — Речь князя остра, как его меч, — выдавил улыбку Никифор. — Но вопросы сточных вод — удел рабов и архитекторов. Мы же говорим о духе. О законе.Ева медленно отрезала кусок мяса. Она не смотрела на грека, она смотрела на его руки. Пальцы посла были унизаны перстнями, но под ногтями виднелась траурная кайма. — Дух без желудка пуст, патрикий, — Ева подняла глаза. Ее голос был тихим, но перекрыл гул пьяных дружинников. — Я читала ваш свод законов. Базилики. Вы пишете о справедливости, сидя на золотых стульчаках, пока ваши крестьяне едят гнилые бобы. У нас в Киеве сейчас тоже едят бобы. Но я строю печи, чтобы они пекли хлеб, а не варили баланду. И когда мы достроим каменный детинец, мы будем сидеть на камнях крепче, чем вы на своих золотых стульчаках. Ярослав довольно крякнул и хлопнул ладонью по столу. Дружинники одобрительно загудели. Никифор побагровел. — Вы варвары, — прошипел он. — Вы дикари, нацепившие наши кресты. Вы думаете, что камень делает вас равными Риму? Вы — лесные волки, которые забежали в мраморный дворец.— Волк, забежавший во дворец, становится хозяином дворца, если у него есть зубы, — Ева положила нож. — А у нас есть не только зубы. У нас есть огонь, который плавит камень. Хотите проверить? Она щелкнула пальцами. Ли, сидевший далеко, в тени, среди младших отроков, напрягся, но Ева просто взяла со стола серебряную ложку. Она указала на массивную бронзовую люстру, висящую под потолком.— Видите этот светильник? — спросила она. — Ваши

мастера отливают такие, чтобы они были вечными. Но они тяжелые. Чтобы ее подвесить, вам нужны цепи толщиной с руку. А я могу рассчитать балку, которая выдержит этот вес, будучи в три раза тоньше. Потому что я знаю, как распределяется нагрузка. Вы украшаете мир. Мы его считаем. Никифор молчал, переваривая дерзость. В его глазах впервые появилось нечто похожее на интерес, смешанный с тревогой. Он не понимал, кто перед ним: ведьма, безумка или самый опасный враг Византии.В этот момент переводчик, забыв о субординации, наклонился к Еве через стол. От него пахло розовым маслом и вином. — Госпожа, — прошептал он на чистом русском, но с мягким акцентом. — Твой ум... он пугает моего господина. Но меня он восхищает. В Константинополе женщины сидят в гинекеях. Как ты заставила князя слушать тебя?Ева медленно повернула голову. Ее взгляд встретился с глазами юноши. Она улыбнулась — той самой улыбкой, от которой холодело в груди у Ярослава. — Я не заставляла, — так же тихо ответила она. — Я просто сделала его сильнее, чем он был без меня. А теперь иди и переведи своему лысому другу, что если он еще раз назовет Русь лесной, я прикажу залить его перстни свинцом. Переводчик отшатнулся, побледнев, и что-то быстро залепетал Никифору. Посол выслушал, его лицо вытянулось. Он встал, склонив голову. — Прошу простить мою грубость, мудрая госпожа, — процедил он. — Усталость пути. Базилевс ждет союза. Мы... мы готовы обсуждать чертежи.— Вот и славно, — Ярослав поднялся, опираясь на стол. — А теперь ешьте. Мясо остывает. И передайте Василию, что мы возьмем его сестру в жены. Но приданое я проверю лично. Ева научила меня считать монеты.Когда ромеи, отяжелевшие от еды и впечатлений, удалились в отведенные им покои, Ярослав ввалился в светлицу Евы. Он был без плаща, ворот рубахи расстегнут, глаза блестели.— Ты их уничтожила, — сказал он, падая на лавку. — Никифор теперь будет гадать, не демон ли ты. Он боится смотреть тебе в глаза.— Он боится не меня, — Ева сидела у окна, расчесывая волосы костяным гребнем. Шелк платья сполз с плеча. — Он боится пустоты за моей спиной. Он привык, что за послом стоит Империя. А за мной пока только ты и Ли с его горшками. Ярослав налил себе квасу. — Ты была жестока. Зачем ты унизила его при всех? О посольстве нужно заботиться.Ева отложила гребень и повернулась к нему. В полумраке горницы ее лицо казалось высеченным из мрамора. — Ярослав, послушай меня. Очень внимательно, — она подалась вперед. — Мы сейчас — дикари с дубиной, которые нашли золотой рудник. Византия хочет нашу нефть... то есть, нашу дружбу, чтобы мы били болгар. Они дадут тебе сестру императора, чтобы ты стал их цепным псом. — Я не пес, — нахмурился княжич. — Ты будешь им, если не научишься блефовать, — Ева встала и подошла к нему. Она положила ладони на его тяжелые наплечники. — Сегодня я не просто оскорбила посла. Я показала ему, что мы *другие*. Что мы не играем по их правилам. Они думают категориями «дань» и «вера». Я заставила их думать категориями «инженерия» и «страх». — Тебе понравилось пугать их? — тихо спросил Ярослав.— Мне нравится, когда нас не пытаются сожрать, — она убрала руки. — Сядь. Я хочу тебе кое-что показать. Она подошла к своему сундуку. Ли, который уже похрапывал на тюфяке в углу, заворчал, но не проснулся. Ева достала из сундука не чертежи и не книги. Она достала маленький, плоский предмет, завернутый в шелковый лоскут.— Что это? — Ярослав прищурился.Ева развернула ткань. На ее ладони лежал гладкий, черный, абсолютно прозрачный прямоугольник размером с ладонь. — Это «глаза», — сказала Ева. — Мой личный архив. В нем... там мой дом. Там звезды. Там мой муж. Ярослав осторожно, словно боясь обжечься, коснулся поверхности пальцем. Стекло было холодным и мертвым. — Оно не греет, — заметил он. — И не светится. — Оно спит, — Ева бережно завернула предмет обратно. — Батареи сели. Но я помню, что он умел. Он умел показывать лица людей, которые далеко. Если мы научимся делать такие... прозрачные камни, и если найдем для них силу... мы сможем передавать не только дым. Мы сможем передавать слова. Картинки. Ярослав долго молчал, глядя на черный сверток в руках Евы. — Ты слишком много рассказываешь мне, — наконец сказал он. — Если я сойду с ума, мои братья убьют тебя первой, чтобы забрать эти тайны.— Ты не сойдешь с ума, — Ева посмотрела

ему прямо в глаза. — Потому что ты — прагматик. Ты знаешь, что мертвый инженер хуже живого врага. Я нужна тебе. — Зачем ты мне это показала? — спросил он. — Эту... вещь? — Чтобы ты знал, — голос Евы дрогнул впервые за весь вечер. — Что я не просто Каменная княгиня. Я — обломок другого мира. И я здесь навсегда. Я строю эти башни не для того, чтобы вернуться. Я строю их, чтобы у этого времени был хоть какой-то смысл. Она подошла к окну. Дождь кончился, и над Днепром висела огромная, желтая луна.— И еще, — добавила она, не оборачиваясь. — Я показала тебе это, чтобы ты знал: если кто-то из твоих бояр или твоих братьев решит меня убрать... в моем мире за убийство послов сжигают города. Не заставляй меня вспоминать, какой я была до того, как упала в вашу грязь.Ярослав подошел сзади. Он не коснулся ее. Он просто стоял рядом, чувствуя тепло ее тела сквозь тонкий византийский шелк. — Спи, Ева, — сказал он тихо. — Завтра на стройке упал камень. Один холоп погиб, двое покалечены. Ли пошел вправлять кости. А ты иди спать. Ты сегодня навоевалась с греками.Он вышел, тихо притворив дверь. Ева осталась стоять у окна, сжимая в руках лоскут шелка, под которым лежало мертвое сердце ее прошлой жизни. Она посмотрела на луну. — Я дома, — прошептала она в пустоту. — Черт бы побрал этот дом. Она задула свечу и легла на лавку, не снимая драгоценного платья. Завтра нужно было снова считать камни, лечить людей и строить империю из грязи и воли. И у нее не было права на слабость.

Зима в Киеве выдалась лютой. Снег лежал сугробами в человеческий рост, Днепр сковало так, что волы могли переходить на ту сторону, и вся торговая жизнь замерла. Но в каменном детинце, который горожане уже прозвали «Ярославовым двором», было жарко. Ева стояла на коленях перед огромным дубовым столом, заваленным берестяными грамотами, пергаментом и восковыми табличками. От запаха горячего воска и гусиного жира у нее слезились глаза. Рядом, закутавшись в тулуп так, что торчал только красный нос, ежился отрок Мстиша, переписчик.— Не тряси рукой, — приказала Ева. — «Аз» должен быть прямым. Если ты напишешь закон криво, криво его и поймут. А когда поймут криво, придут сюда с топорами. — Рука мерзнет, госпожа, — проскулил Мстиша. — Чернила застывают.— А у меня нога болит, — ровным голосом ответила Ева, растирая бедро. — Но свод законов сам себя не напишет. Давай сначала. «Аще кто ударит мужа мечом, но не убьет...»Дверь в писцовую горницу с грохотом распахнулась, впуская облако морозного пара. Вошел Ярослав. С его бороды свисали сосульки, от тяжелого тулупа пахло ветром и конским потом. Он был на псовой охоте.— Считаешь? — весело спросил он, стряхивая снег прямо на выскобленный пол. — Мстиша, вон пошел. Греется пусть. Отрок пулей вылетел за дверь. Ярослав сбросил тулуп на лавку и подошел к столу. Его взгляд упал на берестяной лист, где Ева пыталась вывести четкую вязь.— Что это за каракули? — он ткнул пальцем. — Это «я» или дохлая муха?— Это буква «юс малый», — огрызнулась Ева, не поднимая головы. — И если ты сейчас же не снимешь свои ледяные руки с моего стола, я напишу в законе, что за порчу государственного имущества князю полагается десять плетей.Ярослав рассмеялся. Он обошел стол и встал у нее за спиной. Его тяжелая, горячая ладонь легла ей на затылок, пропуская сквозь пальцы холодные пряди волос.— Злая, — протянул он довольно. — Как куница в капкане. Я привез тебе подарок. С охоты. Ева наконец отложила писало. Она потерла виски. — Надеюсь, это не голова Никифора. Я еще не закончила торговаться с Византией о пошлинах на соль.— Лучше, — Ярослав обошел стол и плюхнулся в кресло, жалобно скрипнувшее под его весом. Он достал из-за пазухи сверток. — Смотри.Ева развернула мягкую кожу. Внутри лежала книга. Не пергаментные сшивки, которые они делали сами, а настоящий, древний фолиант. Кожаный переплет потрескался, но был крепким. — «Номоканон», — прочитала Ева вслух греческие буквы на обложке. — Сборник церковных правил... Ярослав, где ты это украл?— Выкупил у одного монаха в Чернигове, — отмахнулся княжич. — Он хотел на нем жир жарить. Я дал ему серебряную гривну и овцу. Ли сказал, там есть про суды. Про то, как делить наследство, если братья передрались.Ева провела рукой по тиснению. Ее лицо, обычно бледное, порозовело от возбуждения. — Это база, — прошеп-

тала она. — Это их логика. Они веками учились оправдывать жадность красивыми словами. Смотри... «Аще брат убьет брата...». Смертная казнь. — Я тоже так думаю, — кивнул Ярослав, наливая себе квасу из кувшина. — Убийцу — в яму. — Нет, — Ева подняла на него глаза. В них плясали опасные огоньки. — Это слишком просто. И это не оставляет нам людей. — Что значит «не оставляет»? — Ярослав нахмурился. — Мертвец — плохой работник.— Мертвец — не платит виру, — Ева вскочила, забыв про больную ногу, и начала мерить горницу шагами. — Ярослав, смотри. У тебя десять тысяч воев. Если мы будем казнить каждого, кто пролил кровь в пьяной драке, через пять лет у тебя останется пять тысяч. А казна будет пуста. Она схватила чистый лист бересты. — Мы пишем «Русскую Правду». Но мы пишем ее как бухгалтер. Слушай. Убийство — это высшая мера. Но только если это «разбой без всякой свады» — то есть, подлое, тайное. За это — вира в сорок гривен. Огромные деньги. Если нечем платить — виру платит община. Если община не хочет платить — убийца идет холопом к родственникам убитого. Работает на них, пока не отработает. Ярослав слушал, подавшись вперед. Его глаза сузились.— Ты хочешь продавать право на месть?— Я хочу продавать *отсутствие*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.